

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7

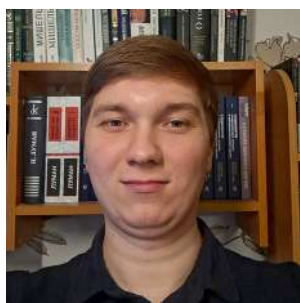
EDN: UCXXTM

Материалистический дискурс-анализ как метод исследования политической коммуникации

Ссылка для цитирования: Алабин А. Ю. Материалистический дискурс-анализ как метод исследования политической коммуникации // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 229–253. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7; EDN: UCXXTM.

For citation: Alabin A. Yu. Materialistic discourse analysis as a method for studying political communication. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 229–253. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7; EDN: UCXXTM.

Алабин Антон Юрьевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

alabin.fnisc@mail.ru

SPIN-код: 1822-1960

Аннотация. В данной статье представлена авторская версия метода дискурс-анализа, разработанная для исследования социальных и политических движений на основе изучения коммунистического дискурса. Идеологические конфликты внутри коммунистических организаций апеллируют к наследию теоретиков прошлого века. Участники споров отождествляют себя с определенными течениями и противопоставляют свои позиции оппонентам. Однако научный анализ этих размежеваний затруднен отсутствием адекватного методологического аппарата. Постмодернистские версии дискурс-анализа растворяют материальные отношения в языковых играх. Критические подходы фиксируют грамматические структуры, но не прослеживают связь текста с классовыми позициями его производителей. Историографические нарративы подбирают цитаты под заранее готовую схему. Эти ограничения порождают потребность в ином инструменте. Материалистический дискурс-анализ – метод выявления властных интересов в символическом пространстве. Теоретическую основу составляют положения о стереотипах У. Липпмана, категории политической коммуникации Г. Лассуэлла и процедуры контроля дискурса М. Фуко. Аналитическая схема разделяет дискурс на два измерения: вертикальное и горизонтальное. Вертикальное дробится на глубинный, средний и поверхностный уровни. Горизонтальное включает центр и периферию. Центр определяется референтным ядром дискурса.

Научная новизна материалистического дискурс-анализа заключается в рассмотрении дискурса не как языковой игры, а как социально обусловленного опредмеченного интереса, воспроизводящего отношения господства. Вертикальное измерение показывает превращение интересов в политические формулы. Горизонтальное измерение показывает механизм конкуренции за значения слов, использования процедур внешнего, внутрен-

него и социального контроля. Референтное ядро дискурса позволяет отследить эту борьбу за значения. Применение метода представлено разбором работы В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше». Референтным ядром дискурса выступают положения из «Критики Готской программы» К. Маркса. Процедура позволила зафиксировать точки совпадения двух дискурсов, их расхождения и специфические ленинские новации. К последним относятся акцент на качестве кадров, проблема удержания власти в аграрной стране, критика разрастающегося аппарата.

Предложенный метод помогает анализировать политические тексты, реконструировать идеологические дискурсы и политические формулы.

Ключевые слова: материалистический дискурс-анализ, идеология, стереотип, политическая доктрина, миф, унификация, дифференциация, коммунистический дискурс, Ленин, Маркс

Введение

В современных политических движениях воспроизводятся идеологические дискурсы прошлых веков. Это свидетельствует о преемственности по отношению к движениям прошлого. Коммунистический дискурс 1920-х гг. сегодня не только воспроизводится, но и разграничивает участников коммунистического движения на течения. Без методологического инструмента анализа этого размежевания исследователь вынужден принимать самоописания и самоидентификацию на веру либо конструировать свой нарратив без методологического обоснования. Первый путь, феноменологический, интерпретативный, подходит для анализа конкретных ситуаций, но не для генерализации наблюдений. Второй уменьшает валидность выводов и увеличивает сложность перепроверки другим исследователем. Разработка метода, способного преодолеть эту дилемму, является исследовательской целью. Результаты работы в этом направлении представлены в настоящей статье.

Политическая социология фокусируется на механизмах власти и воспроизводства господства через институты, нормы и символические формы. Классовый анализ К. Маркса, теория легитимного господства М. Вебера, концепция властвующей элиты Ч. Миллса при всех различиях сходятся в признании асимметрии власти как центрального факта социальной жизни. Каждый из них затрагивал роль идей в воспроизводстве господства. Однако систематическую разработку механизмов символической власти предложили С. Льюкс, М. Фуко и П. Бурдьё: формирование предпочтений, контроль над дискурсом, символическое насилие. Дискурс-анализ представляет собой метод для рассмотрения этих отношений через изучение текстов, в которых интересы социальных групп получают символическое оформление.

Существует мнение, что дискурс-анализ смешивает материальное и идеальное, делая речь самым важным предметом анализа: «Отрицать наличие какого-либо существенного различия между дискурсом и реаль-

ностью, между осуществлением геноцида и разговорами о нем, означает, среди прочего, рационализацию этого состояния. Независимо от того, проецирует ли человек язык в материальную реальность или материальную реальность в язык, в результате подтверждается, что нет ничего важнее, чем говорить» (если не указано иное, переводы иностранных цитат выполнены автором; оригиналы приводятся в сносках. – *Прим. ред.*)¹ [18, р. 18]. При этом текст применяющих постмодернистскую оптику интеллектуалов ничего не значит: «Во многих случаях мы покажем, что если тексты кажутся непонятными, то это по той веской причине, что они ничего не значат»² [27, р. 6]. Гросс и Левитт приходят к схожему выводу: постмодернистские авторы демонстрируют поверхностное знание науки, прикрывая его претенциозной терминологией [23, р. 79–81]. Подобная критика ставит под сомнение применение дискурс-анализа в социологии. Однако замечания этих авторов касаются лишь одного конкретного направления.

Это направление в данной статье будет называться постмодернистским дискурс-анализом (в дальнейшем ПДА). Чаще всего он связывается с методологией Э. Лакло и Ш. Муфф. В их концепции дискурс определяет социальные практики, тогда как агенты лишь группируются вокруг него. Существуют направления критического дискурс-анализа, которые не разделяют установки ПДА. К ним относятся методологии Р. Водак, Т. ван Дейка и Н. Фэркло, которые относят к критическому дискурс-анализу (в дальнейшем КДА). Они признают наличие дискурсивных и недискурсивных практик, а следовательно, и объективный мир вне агентов дискурса.

Различие между ПДА и КДА раскрывает фундаментальный вопрос о связи реальности и представлений о ней. Материалистическая позиция исходит из первичности бытия по отношению к сознанию, поэтому сознание рассматривается как отражение материальной действительности [8, с. 91]. Однако это отражение не является непосредственным. Между объективными условиями и их восприятием стоит система категорий, через которые индивид интерпретирует мир. Они производятся в обществе и распределяются неравномерно.

Пресса, социальные институты, в том числе институт образования, создают псевдосреду для социальных субъектов. Последние рассматривают мир через призму сформированных структурами стереотипов. У. Липпман в своей работе «Общественное мнение» показал, что стереотипы формируются не индивидуальным опытом [9, с. 96]. Тот, кто контролирует производство псевдосреды, влияет на поведение индивидов без прямого принуждения. Псевдосреда представляет собой не ложное сознание в вульгарном смысле, а неизбежную редукцию сложности, которая становится объектом целенаправленного воздействия. Льюкс развил эту логику в кон-

¹ «To deny that there is any significant distinction between discourse and reality, between practising genocide and talking about it, is among other things a rationalization of this condition. Whether one projects language into material reality, or material reality into language, the result is to confirm that there is nothing as important as speaking».

² «In many cases we shall demonstrate that if the texts seem incomprehensible, it is for the excellent reason that they mean precisely nothing».

цепции третьего измерения власти. Власть достигает наибольшей эффективности с помощью формирования предпочтений подчиненных. Конфликт между господином и его слугами исключается, поскольку слуги не осознают собственных интересов [10, с. 46–47].

Социальные отношения воспроизводятся благодаря представлениям о «естественном» порядке вещей, легитимирующим практики, которые воспроизводят этот порядок. Дискурс опосредует социальные позиции и индоктринацию принятия своего положения в обществе. Вопрос для материалистического анализа состоит в том, какие социальные позиции производят какие дискурсы и как эти дискурсы закрепляют или оспаривают существующее распределение ресурсов.

Наиболее разработанную модель этой диалектической связи предлагает генетический структурализм П. Бурдьё [4, с. 64]. Формирование габитуса зависит не только от объективных условий действия. Схемы восприятия и оценивания, составляющие габитус, выражаются в речи и воспроизводятся через нее [3, с. 106–107]. Дискурс выступает связующим звеном между габитусом индивида и социальной реальностью: «... роль школьного учителя, который учит говорить, а следовательно, и думать» [2]. Тем не менее генетический структурализм фокусируется преимущественно на условиях производства высказывания как позиции агента в поле и условиях его рецепции через габитус слушающего. Сама же внутренняя структура текста и конкретный способ конструирования инструмента идеологического воздействия часто остаются непроясненными или анализируются через внешние признаки легитимности. Для задач материалистического дискурс-анализа (в дальнейшем МДА) необходимо дополнить анализ позиций анализом механизмов внутри самого сообщения. Эти механизмы делают авторские позиции неочевидными для агентов. Нужен инструмент для выявления технологии превращения материального интереса в стереотип.

Социальные практики невозможно рассматривать вне отношений власти. Привилегированные группы реализуют власть не только через институты и правила, но и через производство нормативных представлений о мире. Липпман описал механизм формирования согласия. Управление через манипулирование информацией позволяет координировать действия больших масс людей, не имеющих непосредственного доступа к событиям. Производство согласия возможно только, если у агентов дискурса есть ресурсы для создания и распространения стереотипов.

Ж. Эллюль в «Феномене пропаганды» развил этот анализ. Он утверждал, что пропаганда есть не искажение информации, а необходимый элемент современного общества [14, с. 13]. Она работает не через прямую ложь, а через создание рамок интерпретации, задающих границы легитимных действий и мнений. Важно отметить, что горизонтальная пропаганда как взаимное убеждение внутри группы эффективнее вертикальной: «Именно в общении с другими человек постепенно понимает свои убеждения (те же, что и у коллектива в целом!), именно в общении он приходит к тому, что не может больше от них отказаться, в общении

он помогает и другим сформулировать свою точку зрения (ту же, что и у остальных)» [14, с. 135]. Для материалистического анализа это означает необходимость изучать не только движение информации из центра, но и механизмы ее присвоения и распространения на периферии.

Э. В. Ильенков показал механизм производства дискурса как процесс отчуждения между дискурсом, его производителями и потребителями. При разделении умственного и физического труда знание, произведенное коллективно, противостоит большинству индивидов как внешняя сила. «Ученый, профессионал-теоретик вещает им ведь не от своего личного имени, а от имени Науки, от имени Понятия, от имени вполне всеобщей, коллективно-безличной силы, выступая перед остальными людьми как ее доверенный и полномочный представитель» [5, с. 363–364]. Дискурс обретает власть не потому, что он истинен, а потому, что за ним стоит социально организованная институция.

Тем самым дискурс становится не просто «словами», а материальной силой, формирующей сознание и направляющей деятельность. Он материален в том смысле, что производится в определенных социальных условиях, требует ресурсов для производства и распространения, имеет реальные последствия для практик и распределен неравномерно, как любой другой ресурс. Материалистическое понимание дискурса было частично разработано в советской философии, но развивается сегодня независимо от нее.

Однако здесь возникает фундаментальное методологическое противоречие. В КДА метод дискурс-анализа остается лингвистическим, хотя и признается существование материального мира. Дискурс рассматривается только как грамматические конструкции. В МДА понимание дискурса расширяется. В данной работе дискурс рассматривается как опредмеченные интересы социальных групп, воспроизводящие отношения господства в обществе. Отсутствие метода, который позволял бы операционализировать материалистическую онтологию и объяснить, каким образом стереотип становится экономической или политической силой, создает разрыв между теорией и эмпирическим анализом. Сокращение этого разрыва и составляет научную проблему данного исследования.

На Западе материалистический подход к дискурс-анализу разрабатывают Й. Биц и В. Шваб [25, р. X; 29]. Еще один исследователь, С. Канагараджа, переосмысляет материальные условия языковой политики: «Я занимаюсь изучением марксистских подходов к языку... чтобы углубить материалистическую перспективу в языковой политике»¹ [17, р. 101]. Уже проводятся эмпирические исследования на базе МДА [26, р. 1]. Настоящая статья развивает эту проблематику и предлагает методологическую рамку МДА для задач политической социологии. Но полная интеграция указанных теоретических положений в аналитический аппарат требует дальнейшей разработки.

¹ «I engage with Marxist orientations to language... to deepen the materialist perspective on language politics».

Статья состоит из четырех разделов. В первом разделе рассматриваются ограничения существующих подходов к анализу дискурса. Во втором излагается метод материалистического дискурс-анализа. В третьем проводится демонстрация метода на примере статьи В. И. Ленина. В четвертом формулируются выводы и перспективы исследования.

Ограничения существующих подходов к анализу дискурса

Постмодернистский дискурс-анализ

ПДА связан с именами Э. Лакло и Ш. Муфф. В их концепции все социальное является результатом дискурсивных практик [24, р. 107]. Физические объекты существуют реально, однако их социальная сущность раскрывается только внутри определенного дискурса [24, р. 108]. Социальные группы и их интересы конструируются и определяются дискурсом [24, р. 98, 106]. Тем самым экономические отношения сводятся к лингвистическим [24, р. 107].

Социальные изменения в теории Лакло и Муфф происходят через артикуляцию. Артикуляция представляет собой практику установления отношений между элементами, в результате которой изменяется их идентичность [24, р. 105, 114]. Изменения являются результатом борьбы дискурсов, где один дискурс подавляет другой через гегемонию [24, р. 112, 136]. Гегемония «сшивает» разрозненные требования в политическое единство посредством цепочек эквивалентности [24, р. 113, 130]. Без признания объективных интересов невозможно объяснить, почему объединяются именно эти требования, а не другие. Отказ от «эссенциализма» лишает теорию возможности предложить альтернативу существующим институтам.

Н. Герас квалифицировал эту позицию как философский идеализм, отрицающий существование объективной внедискурсивной реальности [22, р. 65–66]. Он подчеркивал, что без признания внедискурсивной реальности и внетеоретической объективности исчезает основа для рационального исследования и осмысленной коммуникации между различными позициями [22, р. 65]. Е. Вуд указала, что отказ от признания объективных социальных отношений и тотализирующей логики капитализма лишает теорию возможности объяснить устойчивые структуры господства, встроенные в систему производственных отношений [30, р. 247–256]. Кроме того, дискурсивный анализ не способен объяснить, почему одни дискурсы становятся доминирующими, а другие маргинализируются, поскольку отрицание объективных оснований скрывает реальные условия их формирования [22, р. 69].

ПДА не может ответить на центральный вопрос материалистического анализа: какие социальные позиции производят какие дискурсы и как эти дискурсы закрепляют существующее распределение ресурсов. Рамки интерпретации в этой теории возникают из борьбы дискурсов, но сама борьба лишена материального основания. Теория описывает, как дискурсы

конкурируют, но не объясняет, почему агенты, занимающие определенные позиции в системе производства, располагают ресурсами для создания и распространения своих дискурсов [25, р. 116–117].

ПДА не способен адекватно анализировать материальные властные отношения, основанные на контроле над средствами производства. Э. Лакло и Ш. Муфф отвергают модель базиса и надстройки, объединив их в единое целое. В их теории все социоэкономические структуры оказываются дискурсивно сконструированными. Однако властные отношения основаны на отчуждении трудящихся от средств производства, что вынуждает их продавать рабочую силу. Это материальная реальность, а не дискурсивная конструкция. ПДА отвергает марксистский тезис о пролетариате как главном агенте социальных изменений, заменяя анализ социальных позиций цепочками эквивалентности разрозненных требований. Это ведет к политическому волюнтаризму: если нет объективного субъекта изменений, то политическое действие сводится к произвольному конструированию идентичностей, оторванному от классовых интересов. Отвергая связь между социальными позициями и политическими притязаниями, теория превращает политику в борьбу нарративов, лишенную материального основания.

Идеология функционирует как система категорий, через которую различные социальные группы воспринимают и интерпретируют мир. Изучение дискурса как формы власти требует анализа связи между социальными позициями и производимыми ими способами господства [15, р. 104]. ПДА не позволяет проследить, каким образом представление, укорененное в определенной позиции, становится экономической или политической силой. Этот разрыв между дескриптивными возможностями теории и задачами политической социологии обосновывает необходимость иного подхода.

Текстуально-ориентированный критический дискурс-анализ

Существует направление дискурс-анализа, признающее объективную реальность. Для него характерно признание социальных действий как наиболее общих, а дискурсивные акты рассматриваются как часть социальных действий [20, р. 70]. Его текстуально-ориентированная версия (в дальнейшем ТО-КДА) представлена работами Т. ван Дейка, Н. Фэркло и Р. Водак. Отличие между их подходами лежит в том, насколько точно они понимают различия между социальным и дискурсивным. Т. ван Дейк ввел понимание когнитивного для описания тех сложностей, с которыми сталкиваются социальные агенты, однако его когнитивные модели лишь в ограниченной степени привязаны к классовым позициям и материальным интересам [28, р. 118–119]. Н. Фэркло использовал понятие идеологии, чтобы показать зависимость социальных практик от власти [21, р. 64]. Р. Водак рассматривала дискурс через связь исторического и социального [29, s. 52–53].

Однако методы анализа, которыми пользовались указанные авторы, сфокусированы на отдельных произведениях. Трудоемкость анализа у них связана с детальной проработкой лингвистической стороны вопроса. Детальный лингвистический анализ при этом не снимает проблем интерпретации и делает дискурс-анализ зависимым от исследовательского включения в определенный идеологический дискурс. Современный исследователь М. Ирецбергер справедливо критикует метод Н. Фэркло за то, что при всей декларации материалистического анализа он остается преимущественно на текстуальном уровне [25, р. 120]. Материальные отношения при этом выносятся за пределы аналитической схемы исследования.

Дискурс в рамках анализа предстает как нечто уже артикулированное определенным социальным агентом, который не исключен из социального поля. Его текст – это ставка в игре по усилению собственной диспозиции, а следовательно, произведение содержит его диспозиционную оценку [4, с. 84–86]. Материальные отношения нельзя редуцировать до уровня происхождения дискурса, их анализ требует отдельного рассмотрения; однако учитывать их необходимо при интерпретации текста [25, р. 32]. Липпман, критикуя старые теории демократии, подчеркнул это противоречие: «Но как ни регулируй поток реки в ее истоке, полноценный контроль течения невозможен» [9, с. 339–340].

Проблема ТО-КДА также заключается в рассмотрении отдельного текста преимущественно через призму лингвистических структур: сказуемых, подлежащих, употребляемых грамматических конструкций [19, р. 1]. Это усложняет проведение исследований одним исследователем, но не дает достаточно информации о структуре стереотипов, мифов, доктрин и иных механизмов установления власти. Само исследование часто строится на том, что было произведено агентом дискурса, тогда как за пределами анализа остается вопрос о том, как был употреблен текст, что за этим последовало и к каким результатам это привело.

В КДА часто декларируется задача представления угнетенных групп. Однако остается невыясненным, почему те или иные группы являются угнетенными и каким образом это связано с их положением в системе производства [15, р. 104]. Это отступление от классового анализа приводит к тому, что в научном дискурсе репрезентируются многочисленные точки зрения без четкого различения их материальных оснований. Такая позиция не раскрывает сущность буржуазной идеологии, а лишь смазывает критику [30, р. 21–22]. КДА хорошо работает для описания воспроизводства власти, но недостаточно объясняет генезис этой власти.

Чтобы раскрыть классовый интерес, недостаточно этической критики угнетения одних групп другими. Необходимо анализировать аппарат пропаганды, который производит согласие и формирует интерпретационные рамки, вводящие подчиненных в заблуждение и препятствующие осознанию ими собственных интересов. Основная претензия к КДА состоит в том, что его представители не до конца реализуют заявленную программу: остаются в рамках онтологии, недостаточно учитывающей классовое неравенство, пропагандистские машины и политические эффекты

распространения того или иного дискурса [25, р. 113–114]. Изложенные ограничения существующих подходов определяют требования к методу, который должен их преодолеть.

Общий вывод

Еще с середины прошлого века существует допущение, что частотность элементов в тексте свидетельствует об их значимости. Это допущение, сформулированное Б. Берельсоном, предполагало возможность объективного описания содержания коммуникации [16, р. 20]. Однако такое рассмотрение приводит к потере контекста и игнорированию того, что значение слов меняется в разных дискурсах. Например, научные термины в обычной речи нередко огрубляются или меняют свое значение полностью. Методы количественного анализа полезны для индуктивной обработки больших корпусов текстов и экстраполяции выводов на новые тексты, однако они неприменимы для ответа на качественные вопросы МДА.

Также стоит отличать анализ дискурса от конструирования нарративов. Подобный подход часто встречается в исторических исследованиях, когда цитаты из источников подбираются селективно для доказательства точки зрения исследователя. Процедуры отбора и порядок интерпретации при этом остаются имплицитными и не поддаются верификации. Характерным примером служит фундаментальный труд Р. Пайпса «Русская революция». Автор открыто признает неизбежность личных оценок: «И все же при самом научном подходе истории современных революций не могут быть свободны от личных оценок: мне не приходилось читать исследований по французской или русской истории, которые не выдавали бы со всей очевидностью, несмотря на все заверения авторов в беспристрастности, на чьей стороне лежат их симпатии» [12, с. 10]. Однако признание ангажированности подменяет экспликацию метода моральной позицией.

Читателю предлагается принять авторский нарратив, скрепленный этическим суждением, а не аналитическую процедуру, которую можно было бы воспроизвести или оспорить на ином материале. Обильное цитирование в таком случае служит не инструментом анализа дискурсивных структур, а средством риторического убеждения, где факты отбираются под уже готовую идеологическую рамку. Такой способ изложения ближе к конструированию мифа, чем к научному анализу. Исследователи мифологизации давно указывали на эту проблему. Барт отмечал, что миф «очищает» факты, «осмысливает их как нечто невинное, природно-вечное, делает их ясными — но не объясненными, а всего лишь констатированными», «вещи в нем утрачивают память о том, как они были сделаны» [1, с. 305].

Методологический аппарат МДА разрабатывался как ответ на ограничения существующих подходов:

1. Философского идеализма постмодернистского дискурс-анализа, сводящего реальность к языковым играм.
2. Редукционизма частотных методов, игнорирующих борьбу за значения.

3. Методологической неполноты КДА, останавливающегося на уровне текста и не объясняющего материальный генезис власти.

4. Субъективизма нарративных подходов, подменяющих анализ конструированием нарратива.

МДА преодолевает указанные ограничения. Дискурс в этом подходе понимается как материальный, поскольку он производится в определенных социальных условиях, требует ресурсов для создания и распространения, имеет реальные последствия для практик. В отличие от частотных методов, в МДА сначала определяется значимость элементов дискурса, и лишь затем возможен их подсчет. МДА учитывает производительные силы дискурса, условия его потребления и механизмы распространения. Нарратив при этом выступает результатом анализа, а не его основанием. Исследователь реконструирует связи между социальными позициями и дискурсивными практиками, а не подбирает цитаты под заранее готовую схему.

Метод материалистического дискурс-анализа

В МДА дискурс рассматривается как производная форма, в которой объективные социальные интересы получают символическое оформление. Сознание и дискурс признаются вторичными по отношению к материи. Признается диалектическая связь между ними, которая заключается в том, что не все сводится к базису, надстройка обладает собственной автономией и влияет на базис.

Принцип МДА основан на законе единства и борьбы противоположностей. Суть метода заключается в выявлении дискурсивно выраженных интересов социальных групп в символическом пространстве.

Под интересом в данной работе понимается властный интерес в трактовке: стремление субъекта к установлению, поддержанию или расширению контроля над поведением и сознанием других. Метод выявляет не сам интерес как таковой, а его дискурсивное оформление и направленность: кого дискурс легитимирует, какие практики предписывает, какие субъектные позиции конструирует.

Различение сущности и явления имеет принципиальное значение для метода. Явление есть то, что непосредственно дано наблюдению: слова, высказывания, тексты. Сущность есть то, что стоит за явлением и определяет его: социальные позиции, властные интересы, отношения господства. Явление не тождественно сущности, но и не оторвано от нее. Явление – наблюдаемая сторона объекта. В нем сущность выражается опосредованно и может выступать в превращенном виде. Задача анализа состоит в том, чтобы реконструировать дискурсивное оформление стоящих за текстом интересов. Это достигается посредством пошаговой процедуры: выделения структурных уровней дискурса, определения его ядра и периферии и анализа процедур дискурсивного контроля.

Различение сущности и явления защищает метод от двух крайностей. Первая крайность состоит в их отождествлении: текст принимается за чистую монету, дискурс рассматривается как прозрачное выражение интересов. Такой подход игнорирует идеологическую работу по производству согласия. Вторая крайность состоит в полном разрыве явления и сущности: текст объявляется произвольной конструкцией, не связанной с материальными условиями. Такой подход ведет к релятивизму. Диалектический подход удерживает связь между явлением и сущностью, признавая при этом несовпадение между ними.

Дискурс в материалистическом понимании есть объективированный интерес социальных групп. Он материален в том смысле, что производится в определенных социальных условиях, требует ресурсов для создания и распространения, имеет реальные последствия для практик. Дискурс не существует над обществом как чистая идея, но укоренен в системе производства и распределения. Субъект, контролирующий ресурсы для производства дискурса, получает возможность производить согласие.

Производство согласия заключается в создании и распространении определенных стереотипов. Набор упорядоченных стереотипов считается идеологией. Однако идеология как свойство сознания недоступна непосредственному наблюдению. Исследователь не имеет доступа к содержанию сознания индивида. Доступен лишь идеологический дискурс, то есть объективированная идеология, представленная в текстах. Это ограничение необходимо учитывать: анализ работает с явлением, а не с сущностью. Однако через систематический анализ явлений можно выдвигать интерпретации дискурсивного оформления интересов.

Для проведения анализа необходимо различать структуру дискурса и порядок дискурса. Структура отражает вертикальную иерархию элементов дискурса. Порядок отражает горизонтальные связи между элементами и отношения между различными дискурсами. Оба измерения необходимы для полноценного анализа.

Структурные элементы дискурса заимствуются из концепции Г. Лассуэлла, разработанной им для анализа политической коммуникации. Лассуэлл работал в бихевиористской парадигме, тогда как настоящий метод опирается на диалектико-материалистическую онтологию. Перенос категорий Лассуэлла в иную методологическую рамку предполагает их реинтерпретацию: структурные элементы дискурса рассматриваются не как инструменты манипуляции поведением, а как формы объективации властных интересов.

Структура дискурса представляет собой иерархию, где каждый уровень надстраивается над предыдущим. В МДА выделяется три уровня:

1. Глубинный.
2. Средний.
3. Поверхностный.

Глубинный уровень образован мифами, образами, символами и стереотипами. Миф представляет собой фактоподобное утверждение, функционирующее как посылка для дальнейших суждений. Под мифом следует понимать влияющие на принятие решений допущения индивидов и групп о каких-либо фактах [6, с. 270]. Валидация мифа не входит в задачи дискурс-анализа. Исследователя интересует не истинность утверждения, а его функция в дискурсе. Миф может быть истинным или ложным, но это не меняет его роли: он работает как факт, на который опираются другие высказывания.

Образ реконструируется из мифа как имплицитное отношение, стоящее за утверждением. Символ есть знак, через который образ получает языковую форму. Символ позволяет выразить образ в тексте и передать его аудитории. Стереотип представляет собой единство образа и символа: знак, вызывающий определенное отношение к обозначаемому. Стереотип конструирует оценочное отношение к называемому.

Стереотипы обнаруживаются по четырем признакам. Признаки взяты из работы Липпмана и систематизированы [9, с. 171–173]. Первый признак: стереотипы выявляются на бинарных оппозициях: свои и чужие, добрые и злые. Второй признак: искажение восприятия времени. Нечто представляется вечным или, напротив, мгновенным. Третий признак: разрыв причинно-следственных связей. Связи между явлениями устанавливаются без обоснования. Четвертый признак: абсолютизация оценок. Явления представляются как абсолютное добро или абсолютное зло.

Средний уровень структуры включает идеологический дискурс и политическую доктрину. Идеологический дискурс складывается из связанных между собой стереотипов. Политическая доктрина есть философия государства и правительства. Она включает ожидаемые результаты политического действия и требования к общественным отношениям. Ядро политической доктрины содержится в теории государства.

Поверхностный уровень составляют политическая формула, ключевые слова и слоганы. Политическая формула представляет собой правила применения политической доктрины: законы, нормы, традиции и обычаи, влияющие на поведение в политической жизни общества. Политическую формулу можно рассматривать как «структурирующую структуру», поскольку она описывает и предписывает политические практики. Через формулу устанавливаются, какие практики дискурс легитимизирует, а какие делегитимизирует. Ключевые слова разделяются на три группы: требования формулируют предпочтения и позиции, идентификации определяют границы «мы» и «они», ожидания помогают сориентироваться потребителям дискурса. Слоган есть цепочка слов, смысл которых становится ясным после многократного повторения или в контексте.

Порядок дискурса задает горизонтальные связи между элементами на поверхностном уровне и отражает отношения между различными дискурсами. Он определяется ядром дискурса и периферийными элементами дискурса. Ядро дискурса составляют центральные высказывания, без которых невозможно представить дискурс. Оно формулируется исследователем,

который сам является участником дискурсивного поля. Это неустранимое условие любого анализа. Субъективность снимается при повторных исследованиях: если разные исследователи, следуя процедуре, получают сопоставимые результаты, ядро сформулировано адекватно. Фиксация ядра до анализа необходима, чтобы не выводить его заново из каждого текста.

Узловые моменты представляют собой ключевые слова и слоганы, непосредственно связанные с ядром. Они структурируют дискурсивное поле, притягивая к себе периферийные элементы. Периферия включает ключевые слова и слоганы, связанные с ядром опосредованно, через узловые моменты. Периферийные элементы могут присутствовать или отсутствовать, это не влияет на его определение. Периферия составляет зону борьбы между конкурирующими дискурсами. Различные дискурсы могут использовать одни и те же ключевые слова, притягивая их к своим ядрам и наполняя различным содержанием.

Порядок дискурса позволяет описать отношения между различными дискурсами в одном поле. Конкуренция означает борьбу за общие элементы: дискурсы стремятся перехватить ключевые слова, притянув их к своему ядру. Борьба за значения разделяется на унификацию и дифференциацию. Унификация происходит при обозначении общего ядра у сравниваемых дискурсов. Дифференциация происходит, когда общее ядро постепенно расщепляется и в нем обнаруживаются иные узловые моменты, которые ранее в нем не присутствовали.

В поле борьбы за значение используются процедуры контроля дискурса. М. Фуко выделил три группы процедур контроля дискурса: внешний, внутренний и социальный [13, с. 51, 59, 69]. Внешний контроль направлен на исключение дискурса из дискурсивного пространства. Запрет означает табу на высказывание. Разделение и отбрасывание делают дискурс параллельным другим дискурсам, лишая его связи с ними. Воля к истине наделяет дискурс статусом ложного. Две первые процедуры сводятся к последней: запрет и разделение обосновываются через объявление дискурса ложным.

Внутренний контроль ограничивает дискурс изнутри. Комментирование фиксирует поле смыслов, бесконечно повторяя сказанное и досказывая подразумеваемое. Автор как функция текста упорядочивает высказывания и исключает случайность. Дисциплина определяет правила истинности внутри дискурса и позволяет генерировать новые положения на их основе.

Социальный контроль определяет, кто имеет право высказываться и в каких обстоятельствах. Речевые ритуалы задают квалификацию говорящего. Дискурсивные сообщества обеспечивают обращение дискурса в определенном пространстве. Доктрина подчиняет говорящих субъектов корпусу дискурсов. Формы социального присвоения, прежде всего образование, допускают или не допускают к определенным дискурсам.

МДА может проводиться на различных уровнях в зависимости от объекта исследования. Выделяются три уровня анализа:

1. Одно конкретное произведение.
2. Корпус произведений, приписываемых одному автору.
3. Сравнение корпусов произведений разных авторов, приписанных к определенному дискурсу.

Полноценный анализ происхождения дискурса предполагает генеалогическое исследование его производительных сил: институций, средств распространения, численности агентов. Эти данные выходят за пределы текстового уровня и требуют обращения к историческим и статистическим источникам. Настоящая статья ограничивается рассмотрением текстуально-аналитического компонента МДА. Анализ потребления дискурса составляет отдельную задачу и не рассматривается в данной работе.

Процедура анализа начинается с подготовительного этапа. Определяется референтное ядро дискурса, с которым сравниваются остальные дискурсы. Затем в анализируемых текстах или тексте анализируется структура дискурса. После анализа структуры устанавливается порядок дискурса. Завершает процедуру сопоставление анализируемого дискурса с референтным ядром и фиксация точек унификации и дифференциации.

Воспроизводимость результатов обеспечивается эксплицитностью процедуры: другой исследователь, следуя описанным шагам, должен получить сопоставимые результаты. Расхождения в интерпретации отдельных элементов не исключаются, однако структура анализа и основные выводы должны быть воспроизводимы при условии следования методу.

Демонстрация метода на текстуальном уровне

Полноценный материалистический дискурс-анализ предполагает три уровня: анализ условий производства дискурса, анализ самого текста и анализ условий потребления дискурса. Настоящее исследование ограничивается текстуальным уровнем. Генеалогический анализ производительных сил дискурса и анализ потребления требуют обращения к архивным и статистическим источникам, что выходит за рамки данной статьи.

Ограничение обусловлено также объемом публикации. Для демонстрации работоспособности метода достаточно одного текста. Расширение корпуса до нескольких авторов составляет задачу отдельного исследования.

Ядро коммунистического дискурса извлекается из «Критики Готской программы» К. Маркса. Выбор обусловлен степенью зрелости марксовой мысли к моменту написания текста. К 1875 г. теоретическая система К. Маркса достигла законченности. Первый том «Капитала» опубликован, второй и третий тома находились в работе. Основные категории политической экономии разработаны. Опыт Парижской коммуны дал эмпирический материал для теории государства. «Манифест Коммунистической партии», напротив, написан в период формирования взглядов К. Маркса до систематической разработки экономической теории.

«Критика Готской программы» представляет собой полемический текст: К. Маркс критикует конкретные формулировки программы Германской рабочей партии, что вынуждает его эксплицировать собственные теоретические позиции. Полемический контекст исключает декларативность.

Из «Критики Готской программы» извлечены следующие узловые моменты ядра дискурса:

1. Коммунистическое движение – классовое движение. Оно не навязывает свои воззрения рабочему классу, а, наоборот, выражает их. [11, с. 26]

2. Эксплуатация труда: рабочий «вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда» [11, с. 13]. Она проявляется в классовом разделении и контроле за условиями труда. Рабочие могут жить только с позволения капиталистов, так как первые работают на вторых какое-то время бесплатно.

3. Экономические отношения ограничивают и регулируют правовые [11, с. 16].

4. Переход к коммунистическому обществу состоит из множества этапов. К. Маркс выделил первый и последний этапы [11, с. 18, 20].

5. На первом этапе важными являются интересы всего общества – коллективизм. Он выражается в общем владении средствами производства. Индивидуальный труд – непосредственная часть совокупного, он практически не проявляется как стоимость. Обмен эквивалентен, он производится по тому, сколько индивид вложил своего труда в общественный, а не по закону меновой стоимости при капитализме. Государство подчинено обществу [11, с. 26].

6. На высшей стадии коммунизма должны отсутствовать: разделение труда, деление на умственный и физический труд. Труд должен стать потребностью индивидов, а не быть средством выживания, как при капитализме. Индивиды будут высоко и всесторонне развиты. Средства производства также будут высокоразвитыми. Буржуазное право будет преодолено.

7. Для перехода от капиталистического общества в коммунистическое должна быть установлена диктатура пролетариата [11, с. 27].

8. Рабочий класс – единственно революционный класс, потому что он находится в таких условиях, которые заставляют его сокрушить капиталистический способ производства [11, с. 15]. Но он революционен по отношению к буржуазии, а не всегда [11, с. 21].

9. Для осуществления революции рабочий класс должен стать классом для себя, то есть организовать [11, с. 22].

10. Классовая борьба является интернациональной по сущности, а не по форме [11, с. 23].

11. Коммунисты должны стремиться к революции, чтобы установить диктатуру пролетариата. Даже в демократической республике классовая борьба приведет к вооруженному столкновению [11, с. 28].

12. Социалистическое право должно быть неравным, чтобы установить равный уровень жизни [11, с. 19].

13. Социализм как движение строится на вопросе по изменению условий производства, а не распределения товаров [11, с. 20].

14. Классовое неравенство признается первичным. Его устранение приведет к устранению политического и социального неравенства [11, с. 25].

15. Образовательный процесс должен быть свободен от вмешательства государства и церкви [11, с. 28].

16. Коммунистическая партия должна быть атеистичной, чтобы «освободить совесть от религиозного дурмана» [11, с. 30].

Референтное ядро, реконструируемое по тексту К. Маркса, используется как стандарт сопоставления: оно задает перечень узловых моментов, по которым фиксируются унификации и дифференциации в анализируемых текстах. Поэтому в рамках данной процедуры оно не сводится к одному-трем положениям.

Для демонстрации метода выбрана статья В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше». Выбор обусловлен тремя соображениями.

Во-первых, это одна из последних работ В. И. Ленина, написанная 2 марта 1923 г. и опубликованная в «Правде» 4 марта 1923 г. Текст представляет идеи, сформированные опытом революции, гражданской войны и первых лет НЭПа.

Во-вторых, статья написана в условиях болезни. В. И. Ленин диктовал текст; третий удар случился в день завершения диктовки. Это обстоятельство придает тексту характер завещания: В. И. Ленин формулирует то, что считает наиболее важным.

В-третьих, текст содержит рефлексию о состоянии советского государства и перспективах социалистического строительства. Это позволяет сопоставить ленинский дискурс с марксовым ядром по узловым моментам.

Статья «Лучше меньше, да лучше» написана в специфических условиях, которые необходимо учитывать при интерпретации.

К началу 1923 г. НЭП действовал полтора года.

В. И. Ленин перенес два инсульта. Он не мог писать и диктовал текст. Ограниченность физических возможностей вынуждала к концентрации мысли.

Статья адресована руководству партии и опубликована в центральном органе печати. Пленум ЦК 21–24 февраля 1923 г. принял тезисы о реорганизации центральных партийных учреждений; XII съезд партии принял резолюции, основанные на предложениях В. И. Ленина.

В. И. Ленин занимал позицию руководителя партии и государства, однако его физическое состояние ограничивало возможности непосредственного участия в управлении. Текст представляет собой попытку влиять на политику через публичное высказывание в условиях, когда другие каналы влияния были ограничены.

Анализ статьи «Лучше меньше, да лучше» позволил выделить двадцать значимых элементов дискурса.

На глубинном уровне структуры выделено десять элементов. Шесть из них представляют собой мифы. Первый миф выражен в утверждении «нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры» [7, с. 389] и содержит представление о буржуазной культуре как более высокой по сравнению с добуржуазной. Признак стереотипа: искажение времени. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется дифференциация. Второй миф «мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия» [7, с. 402] представляет союз рабочих и крестьян как основанный на доверии, а не на общности интересов. Признак стереотипа: разрыв причинности. Элемент соотносится с узловым моментом об организации рабочего класса. Фиксируется дифференциация. Третий миф «Россия, Индия, Китай составляют гигантское большинство населения» [7, с. 404] представляет мировую революцию как опирающуюся на численное большинство. Признак стереотипа: абсолютизация оценок. Элемент соотносится с узловым моментом об интернационализме. Фиксируется дифференциация. Четвертый миф «окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [7, с. 404] утверждает неизбежность победы. Признак стереотипа: абсолютизация оценок. Элемент соотносится с узловым моментом о неизбежности вооруженного столкновения. Фиксируется унификация. Пятый миф «мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить дотла учреждения средневековые» [7, с. 401] представляет революцию как разрушение. Признак стереотипа: искажение времени. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется унификация. Шестой миф «Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму» [7, с. 404] утверждает неготовность России к социализму. Признак стереотипа: искажение времени. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется унификация.

Три элемента глубинного уровня представляют собой стереотипы. Первый стереотип «рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены» [7, с. 391] конструирует представление о рабочих как революционных, но некультурных. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом о революционности рабочего класса. Фиксируется дифференциация. Вторым стереотипом «Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад» [7, с. 401] конструирует образ Запада как врага. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом об интернационализме. Фиксируется дифференциация. Третий стереотип «столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком» [7, с. 404] представляет бинарную картину мира. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом об интернационализме. Фиксируется дифференциация.

Один элемент глубинного уровня представляет собой образ. Высказывание «пересесть... с лошади крестьянской... на лошадь крупной машинной индустрии» [7, с. 405] содержит метафору двух лошадей, выражающую переход от аграрной экономики к индустриальной. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется унификация.

На среднем уровне структуры выделено шесть элементов. Три из них представляют собой политические доктрины. Первая политическая доктрина «сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством» [7, с. 405] определяет диктатуру пролетариата как руководство крестьянством. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом о диктатуре пролетариата. Фиксируется унификация. Вторая политическая доктрина «удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве» [7, с. 402] представляет выживание советской власти как зависящее от внешних условий. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент является новым. Третья политическая доктрина «бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных» [7, с. 397] признает бюрократизацию партии. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент является новым.

Две политические формулы выделены на среднем уровне. Первая политическая формула «допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским» [7, с. 399] предписывает соединение партийного и государственного контроля. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом о коллективизме. Фиксируется дифференциация. Вторая политическая формула «лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата... мы в состоянии будем удержаться» [7, с. 405] устанавливает чистку аппарата как условие сохранения власти. Признак стереотипа: разрыв причинности. Элемент является новым.

Одно ключевое слово идентификации выделено на среднем уровне. Высказывание «передовые рабочие... и... элементы действительно просвещенные» [7, с. 391] определяет два элемента нового аппарата: рабочих и интеллигенцию. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом об организации рабочего класса. Фиксируется дифференциация.

На поверхностном уровне структуры выделено четыре элемента. Два из них представляют собой слоганы. Первый слоган «не гнаться за количеством и не торопиться» [7, с. 389] формулирует принцип качества над количеством. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент является новым. Второй слоган «во-первых учиться, во-вторых учиться и в-третьих учиться» [7, с. 391] формулирует императив обучения. Признак стереотипа: абсолютизация оценок. Элемент соотносится с узловым моментом об образовании. Фиксируется дифференциация.

Два ключевых слова выделены на поверхностном уровне. Ключевое слово требования «величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств» [7, с. 405]

формулирует экономию как политический императив. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом об изменении производства. Фиксируется дифференциация. Ключевое слово-ожидание: «крупной машинной индустрии, электрификации, гидро-торфа, Волховстроя» [7, с. 405] определяет индустриализацию как цель. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом о преодолении разделения труда. Фиксируется унификация.

Унификация с ядром К. Маркса прослеживается в шести элементах, затрагивающих положения о диктатуре пролетариата, многоэтапности перехода, неизбежности революционного преобразования и развитии производительных сил. В. И. Ленин воспроизводит марксово понимание диктатуры пролетариата, конкретизируя ее как руководство рабочего класса крестьянством. Метафора двух лошадей соответствует представлению о фазах коммунистического общества. Тезис об обеспеченности победы социализма воспроизводит положение о неизбежности революционного преобразования. Ориентация на индустриализацию и электрификацию соответствует представлению о развитии производительных сил как условии перехода к высшей фазе.

Дифференциация обнаруживается в десяти элементах. Тезис о культурной отсталости России вводит положение, отсутствующее у К. Маркса: необходимость освоения буржуазной культуры как предварительного этапа. Многоэтапность у К. Маркса относится к переходу от капитализма к коммунизму, тогда как у В. И. Ленина она расширяется до перехода от добуржуазных форм через буржуазную культуру к социализму. Характеристика рабочего класса как недостаточно просвещенного вводит ограничение марксова тезиса о революционности пролетариата. Представление о крестьянстве как союзнике, идущем за пролетариатом из доверия, замещает марксово положение о рабочем классе как единственно революционном субъекте. Интернационализм трансформируется из солидарности рабочих разных стран в оппозицию Запада и Востока. Предложение о слиянии партийного и государственного контроля расходится с марксовым требованием подчинения государства обществу.

Четыре новых элемента отсутствуют в референтном ядре и составляют специфику ленинского дискурса данного периода. К ним относятся приоритет качества над количеством, категория выживания власти, признание бюрократизации партии и тезис о чистке аппарата как условии сохранения власти.

Преобладание дифференциации над унификацией объясняется условиями производства текста. Статья написана в ситуации, когда материальные предпосылки для реализации программы К. Маркса отсутствовали. Дискурс выполняет функцию легитимации отступления от программы. Тезис о культурной отсталости обосновывает НЭП и союз с крестьянством не как отступление, а как необходимый этап. Стереотип внешней угрозы легитимирует концентрацию власти. Признание бюрократизации партии подготавливает обоснование для чисток аппарата.

Лингвистический анализ данного текста показал бы, каким образом автор конструирует убеждение посредством риторических фигур. Материалистический анализ позволяет установить, почему именно такая конфигурация дискурсивных элементов производится агентом, занимающим определенную позицию в условиях конкретного соотношения социальных сил.

Заключение

В статье был представлен метод материалистического дискурс-анализа на основе советской философии и американских инструментов анализа пропаганды. Работа В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше» была проанализирована этим методом на текстуальном уровне. Метод показал свою работоспособность.

Текст В. И. Ленина является дифференцирующим и унифицирующим в коммунистическом дискурсе. Унификация с ядром К. Маркса зафиксирована в 6 элементах: диктатура пролетариата, многоэтапность перехода, неизбежность революционного преобразования, развитие производительных сил. Дифференциация обнаружена в десяти элементах, среди которых необходимость освоения буржуазной культуры, ограничение революционности пролетариата его культурной отсталостью, трансформация интернационализма в оппозицию Западу и Востоку. Четыре элемента отсутствуют в референтном ядре и составляют специфику ленинского дискурса: приоритет качества над количеством, категория выживания власти, признание бюрократизации партии, чистка аппарата. Если раньше эти идеи кочевали из книги в книгу без соблюдения методологической строгости, теперь есть возможность постепенно прийти к каноническому прочтению важных для истории нашей страны текстов.

Проблема выявления властных отношений на материалистической основе начинает решаться с помощью методологии материалистического дискурс-анализа. ПДА отказался от материалистической основы. КДА стремился ее сохранить, но остановился на лингвистическом уровне. В данной статье анализ также ограничен текстовым уровнем в связи с трудоемкостью метода, который требует анализа социальной реальности, выходящей за рамки текста. Однако шаг в эту сторону сделан.

Метод выявляет идеологический дискурс через анализ глубинных и поверхностных уровней структуры, а также позволяет конструировать ядра различных дискурсов для последующих сравнений. Построение явного ядра делает анализ проверяемым и открывает возможность триангуляции: разные исследователи могут независимо анализировать один и тот же дискурс и сопоставлять результаты. Дискурс в рамках МДА понимается как овеществленные социальные отношения, что позволяет связывать текстуальный анализ с анализом властных интересов.

Метод имеет ограничения. Качественный характер анализа требует значительных временных затрат, что ограничивает объем корпуса текстов, доступного одному исследователю. Субъективность интерпретации снимается триангуляцией: независимый анализ несколькими исследователями, погруженными в предметное поле, позволяет верифицировать выделение элементов и их соотнесение с ядром. Полноценная реализация программы МДА предполагает междисциплинарную работу. Анализ дискурсов прошлых эпох требует привлечения историков для реконструкции условий производства и потребления дискурса. Без исторической экспертизы исследователь рискует остаться в рамках современного дискурсивного поля и проецировать актуальные категории на контекст иной эпохи.

Метод применим за пределами академической среды. МДА позволяет анализировать сообщения конкурентов, комментарии аудитории, интервью и фокус-группы. Через анализ структуры дискурса можно выявить, какую доктрину выбора использует потребитель и по какой формуле он принимает решения. Это помогает создавать смыслы, которые убеждают аудиторию купить товар, услугу или идею.

В дальнейшем планируется реконструкция идеологических дискурсов и политических доктрин основных участников дискуссий 1920-х годов. Это позволит оценивать различные течения в современном коммунистическом движении. Саморефлексия движения указывает на наличие как минимум двух течений, связанных с именами Сталина и Троцкого¹. Ограничение анализа идеологическим уровнем структуры дискурса делает задачу выполнимой и создает инструмент для анализа современных дискурсов коммунистического и других политических движений.

Библиографический список

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 5-е изд. М.: Академ. проект, 2019. 351 с.
2. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2(23). С. 1–11. URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. EDN: QOGTMH.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. EDN: QOECDF.

¹ Троцкизм и сталинизм после Троцкого и Сталина. Есть ли в них смысл? Возможно ли примирение? // YouTube-канал «Вестник Бури». 2024. 25 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h7eZhR45Gl8&t=1608s> (дата обращения: 01.12.2025). Пример разграничения в коммунистическом дискурсе. Материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом А. В. Рудым либо касается его деятельности.

5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика // Собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 464 с. EDN: HTNZFD.
6. Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 264–279. EDN: JVKKXV.
7. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 389–406.
8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // ПСС. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 7–384.
9. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Е. Абаевой. М.: АСТ, 2023. 448 с.
10. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / Пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: ГУ – ВШЭ, 2010. 240 с. EDN: QOLAAN.
11. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
12. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1 / Авторизов. пер. с англ. М. Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1994. 396 с.
13. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.
14. Эллюль Ж. Феномен пропаганды / Пер. с фр. Г. Шариковой. СПб.: Алетейя, 2023. 410 с.
15. Beetz J., Herzog B., Maesse J. Studying Ideology and Discourse as Knowledge, Power and Material Practices // Journal of Multicultural Discourses. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 103–106. DOI: 10.1080/17447143.2021.1895180.
16. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL: The Free Press, 1952. 220 p.
17. Canagarajah S. Reconsidering Material Conditions in Language Politics: A Revised Agenda for Resistance // Nordic Journal of English Studies. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 101–114. DOI: 10.35360/njes.580.
18. Eagleton T. The Illusions of Postmodernism. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 147 p.
19. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. L.; N. Y.: Routledge, 2003. 270 p.
20. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. 259 p.
21. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2015. 263 p.
22. Geras N. Post-Marxism? // New Left Review. 1987. No. 163. P. 40–82.

23. Gross P. R., Levitt N. *Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 314 p.
24. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. L.; N. Y.: Verso, 2001. 197 p.
25. *Material Discourse – Materialist Analysis: Approaches in Discourse Studies* / Ed. by J. Beetz, V. Schwab. Lanham: Lexington Books, 2017. 167 p.
26. Musílek K., Jamie K., Learmonth M. ‘Money Probably Has Something to Do with My Life’: Discourse and Materiality in the Working Lives of Start-Up Entrepreneurs // *Work, Employment and Society*. 2024. Vol. 38. No. 5. P. 1285–1306. DOI: 10.1177/09500170231185033.
27. Sokal A., Bricmont J. *Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals’ Abuse of Science*. N. Y.: Picador USA, 1998. 300 p.
28. Van Dijk T. A. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
29. Wodak R., Nowak P. et al. »Wir sind alle unschuldige Täter!«: Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus. Fr./M.: Suhrkamp, 1990. 367 S.
30. Wood E. M. *Democracy Against Capitalism: Renewing Historical Materialism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 300 p.

Получено редакцией: 17.12.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алабин Антон Юрьевич, аспирант, младший научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7

Materialistic Discourse Analysis as a Method for Studying Political Communication

Anton Yu. Alabin

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

alabin.fnisc@mail.ru

ORCID: 0009-0005-8250-1339

For citation: Alabin A. Yu. Materialistic discourse analysis as a method for studying political communication. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 229–253. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7; EDN: UCXXTM.

Abstract. The paper considers discourse analysis instruments for investigation of political communications. The research is based upon the example of communist movement discourse. Ideological conflicts within communist organizations appeal to the legacy of theorists of the past century. Participants in disputes identify themselves with certain trends and oppose their positions to those of their opponents. However, scientific analysis of these divisions is hampered by the lack of an adequate methodological apparatus. Postmodern versions of discourse analysis dissolve material relations into language games. Critical approaches fix grammatical structures but do not trace the connection between the text and the class positions of its producers. Historiographical narratives select quotations according to a pre-established scheme. These limitations give rise to the need for a different tool.

The article develops materialist discourse analysis as a method for identifying power interests in symbolic space. The theoretical basis consists of W. Lippmann's propositions on stereotypes, G. Lasswell's categories of political communication, and M. Foucault's procedures for discourse control. The analytical scheme divides discourse into two dimensions: vertical and horizontal. The vertical dimension is broken down into deep, middle, and surface levels. The horizontal dimension includes the center and the periphery. The center is determined by the referential core of discourse.

The scientific novelty of materialistic discourse analysis lies in considering discourse not as a language game, but as a socially conditioned objectified interest that reproduces relations of domination. The vertical dimension shows the transformation of interests into political formulas. The horizontal dimension shows the mechanism of competition for the meanings of words, the use of external, internal, and social control procedures. The referential core of discourse allows us to track this struggle for meaning.

The effectiveness of the method has been tested on V. I. Lenin's 1923 text "Better Less, But Better." The reference core of the discourse is the provisions of Karl Marx's Critique of the Gotha Program. The procedure made it possible to identify the points of convergence between the two discourses, their differences, and Lenin's specific innovations. The latter include an emphasis on the quality of personnel, the problem of retaining power in an agrarian country, and criticism of the growing bureaucracy.

The proposed method helps to analyze political texts and reconstruct ideological discourses and political formulas.

Keywords: materialist discourse analysis, ideology, stereotype, political doctrine, myth, unification, diversification, communist discourse, Lenin, Marx

References

1. Barthes R. Mythologies. Trans. from Fr., introd., comm. by S. Zenkin. 5th ed. Moscow, Akadem. proekt, 2019: 351 (in Russ.).
2. Bourdieu P. On the Production and Reproduction of Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski*, 2005: 2(23): 1–11. Accessed 01.12.2025. URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (in Russ.).
3. Bourdieu P. Prakticheskii smysl [The Logic of Practice]. St. Petersburg, Aletheia, 2001: 562 (in Russ.). EDN: QOGTMH.
4. Bourdieu P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of Social Space]. Trans. from Fr. and ed. by N. A. Shmatko. Moscow, IES; St. Petersburg, Aletheia, 2007: 288 (in Russ.). EDN: QOECDF.
5. Ilyenkov E. V. Dialectical Logic. In Collected Works. Vol. 4. Moscow, Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2023: 464 (in Russ.). EDN: HTNZFD.
6. Lasswell H. Yazyk vlasti [The Language of Power]. *Politicheskaya lingvistika*, 2006: 20: 264–279 (in Russ.). EDN: JVKKXV.
7. Lenin V. I. Luchshe menshe, da luchshe [Better Fewer, But Better]. In Polnoe sobranie sochinenii [Complete Collected Works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow, Politizdat, 1970: 389–406 (in Russ.).
8. Lenin V. I. Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskiye zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii [Materialism and Empirio-criticism. Critical Comments on a Reactionary Philosophy]. In Polnoe sobranie sochinenii [Complete Collected Works]. 5th ed. Vol. 18. Moscow, Politizdat, 1968: 7–384 (in Russ.).
9. Lippmann W. Public Opinion. Transl. from Eng. by E. Abaeva. Moscow, AST, 2023: 448 (in Russ.).
10. Lukes S. Vlast': Radikal'nyy vzglyad [Power: A Radical View]. Trans. from Eng. by A. I. Kyrlezhev. Moscow, GU – VSHE, 2010: 240 (in Russ.). EDN: QOLAAAN.
11. Marx K. Kritika Gotskoy programmy [Critique of the Gotha Programme]. In Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow, Gospolitizdat, 1961: 9–32 (in Russ.).
12. Pipes R. Russkaya revolyutsiya. Ch. 1 [The Russian Revolution. Part 1]. Authorized trans. from Eng. by M. D. Timenchik. Moscow, ROSSPEN, 1994: 396 (in Russ.).
13. Foucault M. Poryadok diskursa [The Order of Discourse]. In Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Coll. works. Moscow, Kastal, 1996: 47–97 (in Russ.).
14. Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. Trans. from Fr. by G. Sharikova. St. Petersburg, Aletheia, 2023: 410 (in Russ.).

15. Beetz J., Herzog B., Maesse J. Studying Ideology and Discourse as Knowledge, Power and Material Practices. *Journal of Multicultural Discourses*, 2021: 16: 2: 103–106. DOI: 10.1080/17447143.2021.1895180.
16. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL, The Free Press, 1952: 220.
17. Canagarajah S. Reconsidering Material Conditions in Language Politics: A Revised Agenda for Resistance. *Nordic Journal of English Studies*, 2020: 19: 3: 101–114. DOI: 10.35360/njes.580.
18. Eagleton T. The Illusions of Postmodernism. Oxford, Blackwell Publishers, 1996: 147.
19. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, New York, Routledge, 2003: 270.
20. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, Polity Press, 1992: 259.
21. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. London, New York, Routledge, 2015: 263.
22. Geras N. Post-Marxism? *New Left Review*, 1987: 163: 40–82.
23. Gross P. R., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1994: 314.
24. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. London, New York, Verso, 2001: 197.
25. Material Discourse – Materialist Analysis: Approaches in Discourse Studies. Ed. by J. Beetz, V. Schwab. Lanham, Lexington Books, 2017: 167.
26. Musílek K., Jamie K., Learmonth M. ‘Money Probably Has Something to Do with My Life’: Discourse and Materiality in the Working Lives of Start-Up Entrepreneurs. *Work, Employment and Society*, 2024: 38: 5: 1285–1306. DOI: 10.1177/09500170231185033.
27. Sokal A., Bricmont J. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals’ Abuse of Science. New York, Picador USA, 1998: 300.
28. Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge, Cambridge University Press, 2008: 267.
29. Wodak R., Nowak P. et al. »Wir sind alle unschuldige Täter!«: Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1990: 367.
30. Wood E. M. Democracy Against Capitalism: Renewing Historical Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 1995: 300.

The article was submitted on: 17.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton Yu. Alabin, Postgraduate student, Junior researcher at the Center for the Study of Russian Regions